

Диана АРЕХАНОВА*г. Санкт-Петербург**Жёлтые хризантемы
на сером песке**рассказ*

Одним из преимуществ жизни в спальном районе является удивительная возможность — узнать о большинстве городских событий, просто прогулявшись от ближайшей станции метро до дома. Весь ассортимент развлечений в виде объявлений или листовок ловко расклеен на щитах, помещён в высокие рекламные кубы, растиражирован в обрывках районных газет. Жителю нередко остаётся лишь с сожалением оглянуться и вспомнить, что в этом месяце он уже поиздержался, засидевшись с друзьями в каком-нибудь эксклюзивном месте, рассчитанном, как и десятки ему подобных, исключительно на утончённую богемную публику.

Но Маша не привыкла оглядываться. Утром она торопилась попасть в метро до того, как оно станет чересчур переполненным, а поздно вечером хотела лишь поскорее прийти в тёплую квартиру и побыть в тишине. Конечно, как и большинство девушек ее возраста, а Маше не минуло ещё и двадцати

пяти, она любила повеселиться и беззаботно покутить, но никогда не посещала мероприятия, о которых назойливо пытались сообщить встречные афиши.

Этим вечером, спрятавшись под навес от дождя, она ждала автобус. После утомительного дня кружилась голова и не было сил пройти пешком привычные две остановки. Присев на жёсткую металлическую скамейку, она подумала, что у белой ночи есть один плюс: не важно, в какое время и в какую погоду возвращаешься домой — все равно всегда кажется, что не слишком поздно, — теряется ощущение времени. Сейчас небо окрашено в те же тона, что и днём, когда дождь усиленно бил в окна мансарды, воскрешая из всего миллиарда мыслей, когда-либо возникших в голове, самые тревожные и страшные. Все эти мрачные полутона еще три часа назад выражали безысходность, а в девятнадцать сорок пять — уют, словно дождь берет на руки и баюкает.

Маша достала из кремового клатча смартфон и решила, что слишком долго ждёт транспорт. «Что ж, прогуляюсь под дождём», — подумала она и поправила воротник джинсовой куртки так, чтобы ни одна капелька не попала за шиворот. Она вышла из своего укрытия, и в этот же момент из-за угла показался автобус с табличкой, указывающей маршрут. Временные обитатели остановки, дожидавшиеся этого номера, оживились и стали продвигаться вперёд, стараясь поскорее скрыться от непогоды в автобусе.

Несколько капель дождя все-таки попали за воротник, и Маша поёжилась. Автобус закрыл двери и уехал, а она посмотрела вслед и произнесла вслух, чтобы запомнить и на этот раз точно не пропустить: «20 июля...»

В июле 2005 года Маша впервые приехала в Санкт-Петербург вместе с мамой и одноклассницей Таней. Девочки только-только окончили десятый класс, им нужно было набраться сил для последнего судьбоносного рывка, который предстояло совершить через год. К тому же был и повод для путешествия: в начале июня умерла Машина бабушка и оставила единственной дочери двухкомнатную квартиру. Поскольку процедура вступления в наследство требовала определённого времени, было решено, что в поездку в качестве компаньонки отправится соседка и одноклассница Таня.

Пока Машина мама проводила часы, общаясь с нотариусами и другой юридической братией, девочки беззаботно гуляли по Летнему саду и дворам-колодцам. Обе они собирались поступать именно в петербургские вузы, поэтому принялись знакомиться с городом, прикидывая, каково это — существовать в его границах. Частенько они просто подходили к схеме метрополитена, вывешенной на стене вагона, и, закрыв глаза, наугад тыкали пальцем в разноцветного паука, потом доезжали до выбранной станции и пытались изучить ее достопримечательности, даже если это был ничем не примечательный «Парнас».

В один из дней после длительной прогулки в районе Купчино длинный ноготок Машиного пальчика с полустершимся лаком попал

в точку под названием «Горьковская». Через двадцать минут подружки оказались на перроне строгой гранитной станции. Поскольку ничего любопытного в дизайне вестибюля не было, они, не задерживаясь, вышли в город.

Обратив внимание на странную форму летающей тарелки самого здания метрополитена, девочки стали обдумывать дальнейший маршрут прогулки. Совсем близко в солнечных лучах вспыхнул золотом полумесяц мечети, а следом раздался протяжный и волнительный призыв на молитву.

— Ты когда-нибудь видела мечеть? — спросила Таня.

Маша отрицательно покачала головой.

— Давай тогда пойдём посмотрим!

Ориентируясь на минарет, Маша и Таня поспешили к зданию через небольшой парк и очень быстро пересекли его. К их удивлению, перед ними открылся путь к Петропавловской крепости. Они переглянулись, пытаясь уличить друг друга в нарушении маршрута.

— Раз так вышло, то пойдём на пляж Петропавловки, — решила Маша.

— Только сначала купим мороженое, — поддержала Таня предложение подруги.

Пляж не произвёл должного впечатления. Избалованным белыми рассыпчатыми песками Крыма и элегантными камушками Кавказа, девушкам не пришёлся по душе грязно-серый колючий, перемешанный с гравием порошок центральной набережной — слишком уныло для словно посыпанной бриллиантовой пудрой реки. Скучные и ленивые горожане, распластавшиеся вдоль стены и мимоходом вззирающие на редких рыбаков, с самым серьёзным видом гипнотизирующих неподвижные поплавки. Привлекает лишь большой вытянутый плакат, на удивление скромный в своей расцветке. Впрочем, огромные незатейливые печатные белые буквы смотрелись нарядно, а слово «фестиваль» готовило к чему-то праздничному и фееричному.

Билетов в кассе не было. Оказалось, девочки пришли за день до официального открытия фестиваля песчаных скульптур. Тем не менее их пустили посмотреть на работы мастеров, пытающихся в последние часы превра-

тить свои скульптуры в хрупкий памятник совершенству.

Немногочисленные посетители не мешали друг другу, поэтому подруги неспешно осматривали будущую экспозицию. Они учились в художественной школе, оттого, наблюдая за тем, как авторы придают своим работам особый лоск, заключающийся в невольной печали, которую всегда вызывает последний стежок в вышивке или финальное слово в рассказе, бережно пытались примерить на себя чувства творцов, как дорогое платье *haut couture*.

Многие скульптуры были резки, выражали непокорность, словно тихий песок напоминал о том, что никакие вода, ветер и огонь не помешают ему, если понадобится, завоевать мир. Какие-то, напротив, были слишком смиренны для заявленной темы «Время»: большие часы без стрелок, словно приклеенные к небольшой горке, понурый старик и младенец и просто разбросанные кучки крашеного песка, утверждавшие бренность всего сущего и будущий ядерный взрыв.

Таня вздыхала и пишала над каждой из них, чем вызывала улыбку у безмолвных творцов, естественно, не догадывавшихся, что ее могла восхитить любая вещь чуть ярче тетрадного листа. Маша осматривала более придирчиво, сравнивая свои ассоциации к слову «время» с представленными работами. Она ни с кем не могла сойтись во взглядах. Да, возможно, это поверхностное мнение, но для неё, как и, наверное, для большинства людей, время — это всего лишь течение жизни, которое как-то соотносится с тем, что, может быть, существовало до ее рождения и произойдет после смерти. Старик и младенец — это слишком просто, ведь они оба живы. А вот эта композиция — две фигуры: страшный скелет с остатками одежды, кожи, мышц — настоящий французский транжи, и трепетный юноша, — стоящие, как стражи, возле арки, внутри которой длинноволосый художник тщательно прорисовывал разноцветные вспышки на темном фоне, были сделаны словно по ее, Машиному, эскизу.

«Франсуа Бутонна. Бенуа Кассар. Франция», — сообщала маленькая табличка на ве-

рёвочной ограде. Эти имена ничего не сказали Маше, и она снова стала внимательно изучать композицию. Незаметно подошёл соавтор работы, и из их невнятного разговора двух мужчин девушка поняла, кто из них кто. Когда мужчины повернулись в ее сторону, она с разочарованием отметила, что Франсуа, несмотря на всю творческую эйфорию, молодость, длинные льняные волосы и хулиганский вид, — мужчина около сорока лет, с глубокими морщинами на переносице и нездорово одутловатым красным лицом. Словно не замечая ее, он взял банку с золотисто-жёлтой краской и начал прорисовывать силуэт юноши.

Маша от удивления со всей силой сжала кулаки. Она испытывала чувство непонятого восторга и вместе с тем ужаса: как смог другой человек сделать все в соответствии с ее невольной задумкой. Все это слишком прекрасно для серого песка и человеческих рук.

Когда к ней подскочила Таня, она позволила увести себя, девочки съели ещё по мороженому, а потом, подходя к метро, Маша невольно расплакалась. Она вдруг ощутила, что сейчас кто-то, для кого мир окрашен в те же цвета, что и для нее, навсегда исчезнет, не узнав, что сумел подарить ей чувство радости исполненного замысла и сопричастности его творению.

— Я должна ему что-то подарить в ответ, — пробормотала Маша и, отбившись от подруги, бросилась в сторону ближайшего ларька со всякой мелочёвкой. Не задумываясь, она купила маленького плюшевого единорога и побежала обратно на выставку.

Франсуа стоял неподалёку от своей скульптуры и давал интервью местному каналу. Маша замерла около песчаного юноши, чтобы не привлекать к себе внимание, и принялась разглядывать песок под ногами: она никак не могла поверить, что этот ничем не примечательный материал смог превратиться в ее фантазию.

— Вы что-то хотели? — обратился к ней кто-то по-английски.

Маша подняла глаза. Перед ней, нахмурился лоб, стоял Франсуа.

— It's for you! — пролепетала она, протягивая игрушку.

— Merci!

Художник улыбнулся в ответ и слегка погладил синтетическую гриву. Маша покраснела и на плохом английском неожиданно для себя обронила:

— Я приду в следующем году.

— Я буду ждать.

Через год Маша снова приехала в Петербург. На этот раз дни были наполнены не бессистемными прогулками, а утомительной до дурноты зубрёжкой и пузырьками валерианы. Когда она выходила на улицу, чтобы сдать очередной экзамен или немного расслабиться, то беспрестанно высматривала хотя бы маленькую рекламку с датами фестиваля песчаных скульптур и очень боялась, что он начнётся как раз в те дни, когда она не сможет с чистой совестью сбежать на пляж, а будет вынуждена находиться в холодной аудитории или под маминым присмотром. Когда наконец-то на остановке около метро появилась афиша, оказалось, никаких препятствий не предвидится.

Накануне даты официального открытия Маша отпросилась у мамы погулять под простым предлогом: в ожидании результатов вступительных экзаменов ей очень хочется побыть одной, чтобы побороть все свои страхи.

Конечно, она хотела одеться, как подобает настоящей музе: легкое шифоновое платье, босоножки на высоченных каблуках, но пока не могла осмелиться на такое хотя бы потому, что во всем этом ей было некомфортно и это могло вызвать лишние расспросы. Поправляя перед зеркалом розовую футболку, она приходила к выводу, что и так ведет себя слишком глупо: «Ладно. Если он меня не узнает, просто подарю ему цветы или не буду дарить. Принесу маме...»

В цветочном магазине Маша купила изящный букет из жёлтых хризантем, напомнивших ей звездопад. Подходя к пляжу, она еще раз поправила шнурки на кроссовках, натянула кепку на глаза и вдохнула еле

уловимый аромат цветов: «В конце концов, пока не начался дождь, я обязательно должна попасть туда!»

На этот раз она не останавливалась перед каждой скульптурой, размышляя о том, насколько автор сумел раскрыть тему конкурса и как его шедевр соотносится с ее виденьем окружающей реальности. Она упрямо искала именно Франсуа и не позволяла себе думать о том, что кто-то другой вместо него мог приехать от Франции. И правда: изобразить такую скромную русалку, запутавшуюся в собственных волосах и серых песчаных волнах, мог только он.

Маша тихонько подошла поближе и окликнула художника. Франсуа повернулся в ее сторону и смущенно улыбнулся, заметив цветы.

— Ma cheri, Mari! Вы все-таки пришли, — он обратился по-английски, хотя девушка заметила, что этот язык ему не очень приятен, словно подгоревшая каша. Зато ей очень понравилось, как он особо програссировал ее имя (увы, лишь через много лет она узнает, что это был редкий парижский говор).

Маша кивнула и протянула букет, добавив, что весь год ждала этого дня, ибо это была маленькая тайна, лелеемая вопреки всем правилам жизни, которые она сама для себя придумала, записала и повесила напротив кровати, дабы повторять как можно чаще. Естественно, произнесены были лишь несколько лаконичных предложений на школьном английском.

Франсуа вопреки опасениям не высмеял ее. Он осторожно дотронулся до лепестков, вслух сравнил их со звёздами, оказавшимися на земле после звездопада. Потом подошёл к скульптуре и, оторвав соцветия от стеблей, украсил ими волосы русалки.

— Один для меня, — мужчина осторожно вдел цветок в узкую петлицу джинсовой куртки. — Вы не обидитесь?

Маша покачала головой. Цветы жаль, но лучше завянуть как частица красоты, чем просто в вазе, — это ясно любому, кто хоть раз создал что-то, повинувшись вдохновению.

— Мне пора. Меня ждут. — Совершенно

некстати завибрировал мобильный телефон в Машинной сумочке.

- Приходите в следующем году.
- Приду.
- Я буду ждать вас, Мари.

В следующем году Маша не пришла. В ее жизни произошло чересчур много изменений, с которыми она не могла совладать.

Оказалось, вопреки всем задумкам, она не может жить одна и справляться с когда-то загадочными трудностями жизни взрослой женщины. Первая любовь принесла не обещанные романтичными фильмами радости, а лишь делёж комода, купленного на ее же деньги. Учёба выматывала и доводила до слез: ботаника на деле оказалась интереснее и сложнее, чем в учебниках, а сопутствующие дисциплины надоедали своей поверхностностью и чрезмерной обязательностью. Даже во время практики, изучая с новыми друзьями природу Ленинградской области, она не переставала нервничать. Это было словно навязание, которое не смогли растопить ни южное солнце, ни мамыны поцелуи...

Маша не приходила семь лет. Каждый год осенью и ранней весной она давала зарок посетить пляж Петропавловки за день до открытия фестиваля и повидаться с Франсуа, но отвратительная и трусливая сила обстоятельств побеждала.

Собственно, она почти и не вспоминала о мимолетном знакомстве. Конечно, она рассказала про Франсуа своим друзьям, называя его не по имени, а ласковым прозвищем «мой художник». Проговаривать вслух слово «мой» было особенно приятно: оно придавало воспоминанию особую таинственность, интимность, о которых при всем желании невозможно сказать и слова без банальности.

Она не догадывалась (или, может быть, не признавалась себе), что галантное обещание этого загадочного мужчины оказалось маленьким маяком, пробивающим звёздно-жёлтым светом траурную ночь, ведь в любой момент, когда она забывалась от грусти, тихий картавый голос напоминал: «Я буду ждать вас, Мари...»

Однажды наступило лето, когда у Маши не нашлось оправдания, чтобы не прийти на выставку. Еще дома она решила, что принесёт, как тогда, букет жёлтых хризантем и расскажет ему, что теперь она не та глупышка и может говорить с ним свободно. Да, она подарит именно жёлтые хризантемы, которые к тому времени расцветут в оранжерее и, может быть, оправдают надежды на новый сорт, выведению которого она посвятила семь лет...

20 июля, как и положено знаменательной дате, подкралось незаметно.

Маша шла нарочно медленно вдоль кордона из афиш, навязчиво зазывающих на выставку. Ей хотелось воскресить ощущения того первого дня, когда она впервые узнала, что даже серый песок может легко превратиться в золотой, если с ним любовно работать, но сегодня все вокруг противилось этому. Если семь лет назад дул прохладный ветерок и солнце красовалось в облаках, то сейчас – пасмурно, накрапывает дождь. Хризантемы не покорились уловкам селекции и пока были не такими, как мечталось.

Все было совсем другим. Раньше никто так сюда не зазывал, как в нищий цирк шапито, а жесткие ремешки босоножек на тонкой шпильке не впивались в кожу с ненавистью орудий инквизиции. Один большой обман.

Маша застыла у входа. Всего лишь мгновение – и рубикон будет перейдён. Она решительно направилась на поиски участников от Франции, но с каждым шагом ее планы рушились. Как царь Эгей, она вглядывалась вдаль и не позволяла суетным мыслям тревожить душу. Внезапно Маша подумала, что сказанное семь лет назад было лишь следствием эмоций. На деле и обещания не было. Лишь красивые слова. Никто ее не ждал и не ждёт: вот и французский участок, а табличка гласит, что нет здесь ни Франсуа, ни Бенуа.

Девушке стало очень стыдно за все свои фантазии и глупый сентиментальный порыв, недостойный взрослой женщины. Наверное, ее неловкость заметили все, поэтому надо срочно ретироваться. В жизни ведь всегда есть место побегу.

Взволнованная, она резко развернулась в сторону выхода, отбросила цветы, столкнулась с каким-то мужчиной и, не взглянув на него и не извинившись, быстро покинула выставку.

Мужчина пожал плечами и поднял хризантемы. Это была исключительная удача, последний штрих к скульптуре. Он прошел в глубь выставки и снял легкое проволочное ограждение с табличкой «Франция. Франсуа Бутонна и Бенуа Кассар». Бенуа сверился с эскизом и тяжело вздохнул. Он ещё не привык работать один, но в этом году не захотел примкнуть к своим соотечественникам, предпочтя сольное выступление в память о Франсуа. Он знал, что никому больше тот не доверил бы воплощение своего последнего проекта. Как все-таки жестоко поступила смерть: пришла и забрала его за месяц до долгожданной выставки, о которой он бредил каждый год. Словно не могла чуток опоздать. Однако уже ничего не поделаешь... Бенуа вздохнул и отошёл на несколько метров от скульптуры: «Как Франсуа назвал эту зверюшку? Мари. Точно, Мари! Удачи тебе, Мари. Замечательно получилось, хоть и вопреки

планам. Франсуа был бы доволен». Кто-то из журналистов подошёл к нему с просьбой дать интервью. Бенуа откликнулся и отвернулся от скульптуры.

Огромный единорог из серого песка с гривой, украшенной ярко-жёлтыми хризантемами, снова остался один.

□

Диана АРЕХАНОВА

родилась в 1989 году в Ленинграде.

Пишет прозу.

*Публиковалась в журнале «Аврора»,
коллективных сборниках и альманахах,
автор книги «Интеллект Макиавелли» (2012).*

Работает в СПбГУ.

Лауреат конкурса «Северная звезда»-2013 в номинации «Проза».

Живет в Санкт-Петербурге.

В журнале «Север» публикуется впервые.

